

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ: СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В 1941–1945 ГОДАХ

А. В. Перегудов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 августа 2025 г.

Аннотация: в центре внимания статьи находится молодежь военного периода. Определяются ее возрастные рамки, изучаются практики повседневности накануне и во время Великой Отечественной войны. Установлено, что государство стремилось контролировать молодое поколение в СССР посредством объединения юношей и девушек в комсомольские ячейки для их последующего участия в реализации различных государственных проектов. К 1941 г. в рядах ВЛКСМ находилось более 10 млн человек. Молодежь стала ресурсом, который подготавливался для участия в предстоящей войне. Сделан вывод, что в 1941–1945 гг. молодые люди были мобилизованы не только на фронт, но и на решение важных задач в интересах государства в тылу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, повседневность, комсомол, Воронежская область, военное обучение, физкультура, коллаборационизм, собирательство, беспризорность.

Abstract: the focus of the article is on the youth of the war period. Her age range is determined; everyday practices are studied on the eve and during the Great Patriotic War. It is established that the state sought to control the younger generation in the USSR by uniting boys and girls in Komsomol cells for their subsequent participation in the implementation of various state projects. By 1941, there were more than 10 million people in the ranks of the Komsomol. The youth became a resource that was being prepared to participate in the upcoming war. It is concluded that in 1941–1945 young people were mobilized not only to the front, but also to solve important tasks in the interests of the state in the rear.

Key words: Great Patriotic War, everyday life, Komsomol, Voronezh region, military training, physical education, collaboration, gathering, homelessness.

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, широко отмечаемой в нашей стране, внимание большого количества историков приковано к этой неисчерпаемой, многогранной теме. В центре внимания находятся самые разные сюжеты, связанные с ходом военных действий, мобилизацией советской экономики, политическими итогами войны и т. д. В работах последних лет наблюдается эволюция исследовательского фокуса и его смещение на антропологический фактор. Человек и война, человек на войне, стратегия выживания, военное детство – данные направления все чаще вызывают интерес у отечественных и зарубежных ученых.

Советская молодежь военного времени, заявленная в качестве объекта изучения в данной публикации, – категория социально многоликая и разновозрастная. При определении критериев возрастных рамок за основу были взяты участники двух массовых советских организаций – пионерии, рассчитанной на 10–14-летних детей, а также комсомола, включавшего подростков и молодых людей 14–27 лет. Условное включение детей в понятие «молодежь» в период

1941–1945 гг. видится вполне оправданным, поскольку с первых же дней войны привычный уклад жизни для миллионов советских детей резко изменился, практически сразу они превратились в маленьких взрослых. Труд на нужды обороны, войны вытеснил привычную детскую повседневность, их традиционные занятия.

Как известно, подготовка к большой войне началась задолго до ее начала. Подписанный в августе 1939 г. пакт Молотова – Риббентропа с прилагавшимися к нему секретными протоколами о разграничении сфер влияния позволил СССР развязать войну с Финляндией. Зимняя война 1939–1940 гг. стала лакмусовой бумагой, на которой наглядно проявились проблемы и недочеты Красной Армии, встретившей упорное сопротивление со стороны численно уступающего противника. К военным действиям в условиях реального времени оказались неподготовленными в первую очередь новобранцы. Дабы не повторить печальный опыт в будущем, новый нарком обороны С. К. Тимошенко не только модернизирует и механизмирует армию, но и делает ставку на комсомол, который, по его мнению, должен сыграть ведущую роль в милитаризации молодежи. Начиная с 1940 г. военное обучение и физическая подготовка становятся глав-

ным делом для всей советской молодежи. Юношам и девушкам предстояло готовиться к службе в армии и овладевать приносящими результат на войне навыками. Задача коммунистического воспитания подрастающего поколения и их «окультуривание», чем комсомольские активисты занимались ранее, по понятным причинам уходит на задний план. Все последующие годы комсомольцы будут находиться в тесном сотрудничестве с Красной Армией, стремясь подчинить молодежь военной дисциплине [1, с. 207–208]. Этому также будут способствовать принятие новых норм комплекса ГТО и снижение призывного возраста с 21 до 19 лет.

Таким образом, в предвоенные годы взгляды государства на значение комсомола претерпевают существенные изменения, в результате чего происходит его трансформация из резерва партии в резерв Красной Армии. Предпринимается попытка в целом преобразовать ВЛКСМ в воинское формирование, а молодежь отныне становится ресурсом, который будет подготавливаться для участия в предстоящей войне. К 1941 г. комсомол стал по-настоящему массовой организацией, в рядах которой состояло 30 % молодежи. Перспектива неизбежной войны заставляла ВЛКСМ расширять свои ряды, обеспечивать социальную и идеологическую дисциплину, проводить обширную военную подготовку [там же, с. 265–266].

Военное обучение шло рука об руку с физическим воспитанием. Это были два ключевых компонента в подготовке будущего красноармейца. Стремление расширить число занимающихся спортом и ведущих здоровый образ жизни молодых людей требовало от власти определенных усилий: широкой пропаганды, массового охвата аудитории, подготовки специализированных кадров и создания соответствующей материально-технической базы. Ставка делалась как на общефизическую подготовку, так и на виды спорта, имеющие военное прикладное значение: лыжи, легкая атлетика, плавание, рукопашный бой, метание гранат, спортивное ориентирование и т. д. Все это должно было способствовать выработке в потенциальном красноармейце таких качеств, как выносливость, мужественность, стойкость, дисциплинированность, взаимовыручка, стремление к победе.

Поддерживать себя в хорошей физической форме рекомендовалось с юности. В апреле 1941 г. детская газета «Пионерская правда» призывала пионеров и школьников пройти за лето пешком не менее 200 километров [2]. Зимой, в соответствии с погодными условиями большинства климатических зон СССР, ставка делалась на занятия лыжами. Печальный опыт советско-финской войны 1939–1940 гг., выявивший провал в подготовке лыжников и нехватке инвентаря, заставил государство в корне пересмотреть отношение к этому виду спорта.

Стремясь охватить физкультурой как можно большую часть аудитории, сделать занятия ею популярными среди населения, серьезное внимание уделялось пропаганде. Как правило, она проводилась посредством радиовещания в Воронеже и других городах области – Борисоглебске, Бутурлиновке, Липецке. Неотъемлемым элементом пропаганды как накануне, так и во время войны являлись агитмассовые мероприятия: агитпоходы, внутрирайонные и межрайонные лыжные пробеги, легкоатлетические и лыжные эстафеты, кроссы и массовые военно-физкультурные праздники, посвященные очередной годовщине РККА, 1 мая, 7 ноября, – которые «оказывали большое политическое и воспитательное влияние на население в деле укрепления роли и значения военно-физической подготовки в условиях Отечественной войны» [3, л. 9]. Вместе с тем спортивные функционеры области считали «пропаганду физкультуры и спорта среди молодежи» недостаточной, поскольку активисты «не организуют докладов, лекций по отдельным видам спорта, не устраивают спортивных вечеров, массовых выступлений физкультурников» [4, л. 27], популяризирующих военно-физическую подготовку среди молодежи.

Одна из причин крылась в недооценке занятий физкультурой и спортом, ведь они «до сего времени не являлись массовым, широким и любимым занятием молодежи, – констатировали спортивные чиновники в 1943 г. – Кропотливая и повседневная работа по внедрению физкультуры и спорта в быт молодежи часто подменяется эпизодичностью и компанейщиной. Наши кроссы, спартакиады, соревнования являются не как итог, обобщение массовости физкультуры и спорта, а как стиль работы, как ее основа» [там же, л. 26 об.].

Другая причина несла на себе отпечаток субъективного фактора. Во время войны к руководству городскими и районными комитетами физкультуры Воронежской области пришли новые кадры, как правило, без высшего и среднего физкультурного образования – в их арсенале были лишь пройденные курсы; половина из них не имела опыта работы в соответствующей сфере. Несмотря на то что время от времени удавалось закрывать все вакансии, имели место высокая текучка кадров и низкие деловые качества председателей городских и районных комитетов физкультуры и спорта. Отложившиеся в архивах данные показывают, что 88 % председателей райкомов являлись лицами не старше 21 года, больше половины из которых девушки [там же, л. 11]. Таким образом, кадровый вопрос в физкультурных организациях области стоял очень остро, а находящиеся на должностях люди были малоопытными и низкоквалифицированными.

Несмотря на сказанное выше, а также учитывая перманентный кадровый голод, Воронежская область тем не менее успешно выполняла (порой перевыполняла) государственное задание по подготовке значкистов ГТО разных степеней. Осуществлялось это посредством проведения профсоюзно-комсомольских кроссов, участие в которых принимали десятки тысяч юношей и девушек в разных районах области. Зимой соревновались на лыжах, летом – в беге. К тому же проведение кроссов играло важнейшую роль в развитии военизированных видов спорта, для чего выявлялись лучшие профсоюзные, комсомольские и физкультурные организации [там же, л. 23]. Нельзя не отметить, что ставка на военизированные виды спорта не только обуславливалась их прикладным значением в годы войны, но и была выгодна с экономической точки зрения, поскольку бег, плавание, рукопашный бой, кроме физической подготовки самих участников, не требуют специального инвентаря (за исключением лыж) либо выделенных для их проведения помещений. В этой связи неудивительно, что количество участвующих в летних кроссахкратно превышало число участников зимних.

Проведение массовых спортивных мероприятий требовало соответствующей материально-технической базы. С ее наличием были большие проблемы, поскольку «в результате нанесенного сооружениям большого ущерба немецкими захватчиками все стадионы города Воронежа и спортивные площадки в оккупированных городах и районах области были разрушены» [3, л. 11 об.]. В большом дефиците был инвентарь и трикотажные изделия (майки, трусы, спортивные костюмы и т. д.). Недостаточное количество сооружений и спортивного инвентаря серьезно сказывалось на работе, поскольку в большинстве своем они не отвечали предъявляемым к ним требованиям, а из-за отсутствия капитального ремонта были слишком примитивными. Восстановить же все сразу и быстро было непосильной задачей.

Поскольку срочное восстановление спортивных сооружений стало насущной потребностью, комсомольским и физкультурным организациям вместе с несоюзной молодежью путем проведения воскресников и работы в неурочное время, без затраты средств, в кратчайшие сроки удалось восстановить разрушенные и построить новые полосы препятствий, стадионы, водные и лыжные станции, городские площадки и т. д. За 1943–1944 гг. по неполным данным в Воронежской области было восстановлено и вновь построено 5 стадионов, 28 спортплощадок с футбольными полями, 34 спортплощадки без футбольных полей, но предназначенные для игры в баскетбол и волейбол, 265 гимнастических городков, 82 лыжных базы с 24 тысячами пар лыж [4, л. 26–26 об.].

Председатель областного комитета по делам физкультуры и спорта при Воронежском облисполкоме Н. Кузнецов справедливо отмечал, что «1944 год является годом восстановления спортивной жизни области» [3, л. 25–25 об.]. По неполным данным, к 1 января 1945 г. в Воронежской области насчитывалось 1277 коллективов физкультуры, в которых состояло 73 612 человек. Для сравнения, годом ранее в области было зафиксировано 985 коллективов физкультуры с 52 315 физкультурниками [там же, л. 8 об.]. Таким образом, в количественном выражении рост за год составил 23 и 29 % соответственно.

В октябре 1944 г. на стадионе «Пищевик», расположенном в центральной части города, проходила первая после освобождения Воронежа комсомольско-физкультурная спартакиада. В ее ходе предстояло выявить лучших комсомольцев-физкультурников, а также стимулировать дальнейший рост спортивного мастерства с целью сдачи норм на значок ГТО второй степени. В этом же году проводились крупнейшие областные и районные спартакиады и соревнования, участие в которых приняли 36 678 человек [там же, л. 16 об.]. В 1944 г. лучшие спортсмены области с целью улучшения спортивных показателей проходили тренировочные сборы, после завершения которых составленная из допризывников и учащейся молодежи команда области приняла участие в I окружной спартакиаде пяти областей: Брянской, Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской. Команда Воронежской области выступила с большим успехом, заняв 1-е место [там же, л. 27].

Освобождение Воронежа и районов области от оккупации зимой 1943 г., скорое начало восстановительных работ позволили вдохнуть в физкультурное движение региона новую жизнь. Во всех учебных заведениях были введены обязательные зарядки, особое развитие получил студенческий спорт. Массовое привлечение учащейся и трудящейся молодежи к регулярным занятиям спортом стало актуальным на многие десятилетия вперед.

Невозможно дать однозначный ответ, насколько наличие значка ГТО способствовало эффективной подготовке молодых людей к предстоящему участию в боевых действиях. Очевидно, что морально и психологически советская молодежь оказалась к войне более готова, нежели военно-физически. Война сделала молодых людей зрелыми, умудренными житейским опытом, а также укрепила влияние государства над советской молодежью. Для многих советских граждан ужасы немецкой оккупации рассеяли понятия о том, что капитализм представлял собой альтернативу социализму. Кроме того, воевавшая и упорно трудившаяся на благо страны молодежь ощутила новое чувство ответственности. Величайшее испы-

тание советского строя породило преданность молодого поколения, превратив его в горячих патриотов [1, с. 266].

31 января 1943 г. в Борисоглебске состоялся антифашистский митинг, участие в котором приняли 1500 учащихся, представителей армии, трудящихся города. «Мы собрались здесь, – говорил один из ораторов, – чтобы дать клятву нашим фронтовикам, народу, товарищу Сталину в том, что не щадя ни сил, ни самой жизни, будем бороться до полной победы над кровавым врагом <...> Пусть голос участников митинга прозвучит смертельным приговором пришедшим на нашу землю немецким оккупантам» [5, л. 10–11].

Студентка Борисоглебского учительского института Лилия Козлова в своей речи отметила, что «сотни, тысячи наших товарищей, сменив ручку с пером на оружие, защищают свободу и независимость нашей любимой родины. Многие студенты Борисоглебского учительского института ушли на фронт, другие поехали в города и районы работать учителями и воспитателями молодого поколения. Студенты института стали в ряды доноров, спасая своей кровью жизнь дорогих бойцов и командиров Красной Армии» [5, л. 8]. Другой выступающий – А. Котельников – призывал не только настойчиво учиться, но и овладевать оружием, чтобы в любой момент встать в ряды красноармейцев.

Студент ВГУ, участник военных действий В. Транин поздравил собравшихся на антифашистском митинге с освобождением Воронежа и всей области, одновременно передав горячий привет от всех студентов университета. «Наших студентов можно видеть в разных местах, на разных работах. Многие из них отличились в работе и в бою. Около 1,5 тысяч студентов ВГУ являются участниками войны». Также в июне 1941 г. добровольцами на фронт ушли ректор университета Н. П. Латышев и десятки преподавателей. «Я видел разрушенные немцами деревни, слышал рассказы жителей о черных днях оккупации. Много нам всем пришлось пережить. Университет выехал и работает в другом городе. Нет больше прекрасного здания ВГУ в Воронеже. Но жив коллектив Воронежского университета, жива наша воля к победе» [там же, л. 6–7], – завершил свою речь молодой ветеран. С лета 1942 г. по осень 1944 г. Воронежский государственный университет находился в эвакуации в Елабуге. Несмотря на тяжелейшие условия, научным сотрудникам и студентам удалось внести свой посильный вклад в общее дело Победы. Они собрали 12 тыс. руб. наличными и 7,5 тыс. руб. в виде облигаций госзайма, которые были направлены на строительство танковой колонны «Советский ученый» [6, с. 114].

Война стала испытанием на прочность для комсомольских организаций, игравших ключевую роль

в жизни тыла и прифронтовой полосе. Очевидно, что проводившиеся на территории Воронежской области активные боевые действия и вызванные ими разрушения, оккупация областного центра и нескольких десятков районов, кадровые проблемы, вызванные мобилизацией, далеко не лучшим образом сказывались на молодых людях. Несмотря на подчинение своей работы целиком и полностью требованиям и запросам войны и имея при этом отдельные успехи, комсомол области в январе 1944 г. подвергся резкой критике со стороны 1-го секретаря Воронежского обкома ВЛКСМ. На VI пленуме обкома ВЛКСМ пришли к выводу, что в целом работа областных комсомольских организаций не отвечает требованиям военного времени. В вину ставились провал организационной работы и плохие кадры, особенно в контексте недостаточной чистки рядов среди тех, кто не эвакуировался и проживал на оккупированной территории – таковых в общей сложности насчитывалось 11 310 человек. Молодежь, оставшаяся в силу разных причин на оккупированной территории, вызвала у властей тревогу. Наряду с распространением в ее среде антисоветских идей, немцы способствовали моральному и нравственному разложению юношей и девушек, склоняя их к алкоголизму, воровству, хулиганству, занятию проституцией.

Вскоре после освобождения области бюро комсомольских райкомов предстояло персонально разбирать дела каждого комсомольца и провести проверку их поведения. К 15 января 1944 г. из 30 оккупированных районов работа была закончена в 25. Из 9632 человек 915 (9,4 %) были исключены из рядов организации, на 2875 человек (29,8 %) наложили взыскания [7, л. 6]. Комсомольские руководители сетовали на медлительность райкомов при проведении ими проверок. С мест поступали сигналы о сознательных случаях обмана. К примеру, в Хохольской районной комсомольской организации числились 10 молодых людей, служивших ранее полицейскими. Где-то преобладал огульный подход. Подгоренско-Кантемировский райком без тщательной проверки объявлял взыскания всем подряд. В Богучарском, Ровеньском районах наблюдалась другая крайность, когда комсомольцев без достаточной проверки оставляли в рядах организаций, в то время как некоторые из них являлись шпионами либо прислуживали немцам, имея с ними личную связь [там же, л. 7]. Очевидно, эта часть молодежи, прошедшей войну, зашла слишком далеко, чтобы реабилитировать свое доброе имя. В то же время комсомольским руководителям на местах следовало быть весьма осторожными в своих оценочных суждениях и не причислять к коллаборантам голословно, бездоказательно. Грань между сотрудничеством в ущерб интересам Родины и элементарным выживанием всегда очень тонкая.

По мере победоносного продвижения Красной Армии на запад и освобождения территории СССР случаи примирения советской молодежи с оккупационными властями становились известны все чаще. Как ни странно, узнавая об этом, комсомольские руководители по всей стране стали призывать к снисходительности. Рассчитывали либо на возможность их скорого перевоспитания, либо, возможно, подобного рода людей было настолько много, что это мешало по отношению к ним занять жесткую позицию. В феврале 1944 г. на встрече пропагандистов ВЛКСМ из освобожденных территорий прозвучала идея поддерживать проявление сдержанности по отношению к молодежи, которая жила под оккупацией. Некоторые молодые люди стали героями во время войны, но «не каждый может быть Зосей Космодемьянской, краснодонцем». Вместо того чтобы требовать всеобщего сопротивления оккупации, по мнению отдельных пропагандистов, было бы лучше согласиться с тем, что большинство молодых людей в глубине души остались верными СССР, даже если им пришлось терпеть оккупантов ради того, чтобы выжить [1, с. 258]. Осмелимся предположить, что далеко не все представители скомпрометировавшей себя молодежи были безнадежными. По этой причине лидеры комсомола побуждали местных активистов проверять, прощать и переделывать тех молодых людей, чья преданность не была абсолютной, но которые не пересекли условную линию, отделявшую их от измены [там же, с. 262].

Не последнюю роль в излишне гуманном отношении к провинившимся комсомольцам сыграла высокая текучка кадров, преследовавшая Воронежский областной комитет ВЛКСМ на протяжении всей войны. Значительная часть комсомольцев ушла на фронт и там погибла, другая вступила в партию. Более того, в 1944 г. власти задумали создать из просоветски настроенной молодежи ключевую силу, противостоящую националистам в местных сообществах на освобожденных западных территориях. Так, из Воронежской области для восстановленных комитетов комсомола на Украине отправились по поручению государства 112 организаторов, этнических украинцев [там же, с. 256].

Воронежская область, благодаря своему географическому расположению и климатическим условиям, издавна считалась преимущественно аграрным регионом. Сельское хозяйство и пищевая промышленность играли здесь ключевую роль. Военное лихолетье тяжело отразилось на этой отрасли отечественной экономики. Убыль подавляющего числа мужского трудоспособного населения на фронт и нужды оборонной промышленности превратила советскую деревню преимущественно в женское поселение. Проблема рабочих рук в колхозах и совхозах

встала особенно остро, потому что сложившаяся ситуация резко негативно влияла на производительность труда. Детям и подросткам предстояло заменить, насколько это было возможно, выбывших братьев и отцов. Сельскохозяйственный труд был в числе первоочередных обязанностей, возложенных на детей. На протяжении военных лет в среднем 10 % школьников были задействованы в сельском хозяйстве. В отчете ЦК ВЛКСМ за зиму 1942–1943 гг. отмечалось, что в некоторых колхозах до 70 % работников были детьми. А отчеты тыловых советских органов разного уровня показывают, что дети составляли не менее 20 % от общего числа работающих в то время в колхозах [8, с. 129]. К примеру, в 1943 г. пионеры и школьники участвовали в полевых работах в колхозах Лискинского района Воронежской области, летом 1944 г. в Землянском районе силами детей с колхозных полей было убрано 1900 кг колосьев [9, л. 62; 10, л. 39]. Как справедливо отмечают современные исследователи, главным побудительным мотивом к труду среди крестьян, в том числе подростков, было желание приблизить окончание войны [11, с. 152].

Представители молодого поколения постарше, в отличие от своих младших сверстников, воспринимали сельскохозяйственные работы в большинстве случаев не в качестве навязанной обязанности, а как неотъемлемый элемент трудового энтузиазма. К примеру, летом 1941 г. студент ВГУ Бруев после окончания учебного года отправился в родной колхоз «работать, не жалея сил, за двоих, перевыполняя норму на 200 % <...> Будучи кровно связан со своими колхозниками, – утверждал студент, – я стану вместе с ними бороться за отличную уборку урожая..., обеспечивая тем самым победу над нашими врагами» [6, с. 34]. Дефицит рабочих рук на селе привел к тому, что зимой 1942 г. в университете появилась новая, невиданная доселе дисциплина – «Сельхоздело». С января по апрель студенты ВГУ на базе другого воронежского вуза – СХИ – учились на комбайнеров и трактористов. В мае они отправлялись в колхозы и совхозы [там же, с. 67], где работали по назначению. Если, конечно, было на чем.

Ухудшение материально-технической базы стало еще одной острой проблемой советской деревни военных лет. Большая часть машин и тракторов, а также лучшее конское поголовье практически сразу были отданы на нужды фронта. В наиболее тяжелом военном 1943 г. уровень механизации колхозных работ упал в 2,5 раза относительно 1940 г., а производительность труда снизилась почти на половину [11, с. 150]. В силу предельной изношенности, отсутствия горючего и запчастей оставшаяся на селе техника не могла работать. Многие виды работ предстояло делать вручную.

Не хватало лошадей, а те, что были, падали от перегрузок. В условиях дефицита тягловой силы особое значение приобретал уход за конями, ценившимися на вес золота. Школьники и пионеры Верхне-Карачанского района Воронежской области взяли шефство по уходу за конями в колхозах имени Молотова и «Красный партизан». В январе 1943 г. ученики 5-х и 7-х классов средней школы № 1 утеплили конюшню, регулярно чистили лошадей и давали им теплый корм, в сильные морозы укрывали. Учитывая значение коней для Красной армии и колхозного хозяйства, школьники помогали на безвозмездной основе не только сохранить всех лошадей к весеннему севу, но и «довести их до средней и вышесредней упитанности» [5, л. 1].

Важную роль в годы войны играло собирательство. Все-таки если сельскохозяйственный труд был тяжел и специфичен (особенно для городских подростков, по понятным причинам не знакомым с ним), сбор съедобных и лекарственных растений был посилен абсолютно каждому ребенку, став для большинства из них частью весенне-летней повседневности. Со страниц печатных изданий неоднократно звучали обращения ко всем советским школьникам и пионерам призывы собирать дикорастущие травы, плоды и ягоды, тем самым оказывая неоценимую помощь фронту. «Помогать фронту – это значит извлекать все, что возможно в человеческих силах, и больше всего из земли. Кто это делает, – утверждал председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, – тот служит родине, как бы находясь на передовых позициях» [12, с. 90]. Детям объясняли, что в дни Великой Отечественной войны нашей стране требуется особенно много белков, жиров, углеводов, витаминов, лекарственного и технического сырья, поэтому на нужды обороны, наряду с сельским хозяйством, должны быть поставлены природные растительные богатства. Массово произрастающие на территории Воронежской области травы (чабрец, зверобой, полынь, мята, корень валерианы, тысячелистник, цикорий, душица и др.), а также ягоды (смородина, шиповник, вишня) были востребованы для улучшения рациона питания фронтовиков и обеспечения их природными лекарственными средствами. Начальники Красной армии справедливо утверждали, что в войнах, которые вела старая царская армия, многие солдаты болели и умирали от недостатка зелени и продуктов, богатых витамином С. Среди красноармейцев, по их словам, таких случаев не наблюдалось [13].

Зачастую собирательство приобретало привычный еще с 1930-х гг. характер соревнований. К примеру, в мае 1943 г. комиссия ЦК ВЛКСМ по руководству сбором дикорастущих полезных растений, «придавая исключительно важное значение созданию

дополнительных ресурсов пищевого, лекарственного и технического сырья, необходимых для нужд народного хозяйства и фронта», объявила Всесоюзное социалистическое соревнование среди комсомольских и пионерских организаций, школ, детдомов, интернатов, лагерей за лучшую организацию и участие в сборе дикорастущих полезных растений. Воронежская область включилась в соцсоревнование вяло: к сентябрю 1943 г. в 26 районах области к заготовке лекарственного сырья даже не приступали, в 16 – показатели были далеки от плана, не говоря о его перевыполнении. Лучший показатель был зафиксирован в Байчуровском районе (46 % от плана), на втором месте расположился Павловский район (38 %), с небольшим отставанием шли Верхне-Карачанский (34,8 %) и Борисоглебский (34,6 %) районы [14, л. 4, 7–7 об., 17].

В целом дети обеспечили почти 78 % от общего объема лекарственных и полезных растений, собранных в СССР за годы войны [8, с. 135].

Пожалуй, наиболее успешно находящаяся в тылу молодежь проявила себя в деле спасения подрастающего поколения. Многочисленные людские жертвы привели к очередному обострению детской беспризорности. Эта проблема была давней головной болью советской власти. Начиная со времен Гражданской войны с переменным успехом предпринимались многочисленные попытки ее ликвидации. Стимулируя, координируя и направляя в нужное русло общественную и частную инициативу, а также задействовав репрессивный аппарат, государству удалось-таки во второй половине 1930-х гг. официально провозгласить победу над беспризорностью.

Масштабные военные действия на густонаселенной территории европейской части СССР, колоссальные потери среди военнослужащих и мирного населения в первые дни и месяцы войны, зверства в отношении обывателей выбросили на улицы, оставив без родителей и всяких средств к существованию огромную массу подрастающего поколения. Вынужденные остаться на оккупированной территории дети и подростки подвергались большому риску: они становились жертвами насилия и погибали, их угоняли на принудительные работы в Германию [15, с. 4], заставляли шпионить [1, с. 242–243].

Ожесточенные военные действия привели в движение огромные людские массы, вынуждая их эвакуироваться и спасаться бегством из привычных мест проживания. Неконтролируемая миграция способствовала появлению большого количества беженцев, балансировавших на грани выживания. Среди них наиболее незащищенными оказались дети, не способные в силу возраста самостоятельно трудиться и зарабатывать на пропитание.

В не подвергшихся оккупации районах, например, таких, как Алешковский на северо-востоке Воронежской области, ситуация была тяжелой по своему. Здесь повсеместно процветала крайняя бедность. В 1943 г. из-за отсутствия одежды и обуви многие дети не могли посещать школу. В докладной записке районного секретаря ВЛКСМ сообщалось о 280 детях-сиротах, «не имеющих родителей, отцы которых находятся в рядах РККА. У некоторых есть родители – мать, но живут очень плохо, ибо много-семейное положение не дает возможности обеспечить детей всем необходимым, а главное питанием и одеждой» [9, л. 30]. Дети фронтовиков, таким образом, были обречены на полуголодное и нищенское существование.

Освобождение Воронежа и 30 районов области от оккупации в начале 1943 г. позволило местным властям активизировать деятельность по оказанию помощи сиротам и детям фронтовиков. 19 февраля 1943 г. было принято решение обкома ВКП(б) о борьбе с беспризорностью и безнадзорностью и обкома ВЛКСМ о помощи детям-сиротам, пострадавшим в Отечественную войну в районах области. Как видно из многочисленных документов, отложившихся в архивах, практическую работу по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью на местах осуществлял комсомол. Преодоление беспризорности и безнадзорности считалось важнейшей государственной задачей. Для комсомольских организаторов это составляло наиболее важную часть работы в годы Великой Отечественной войны.

Комсомольских секретарей области обязали взять на учет всех сирот, а также приступить к сбору продуктов питания и вещей по имеющейся в каждом райкоме ВЛКСМ разверстке. Выявленных и поставленных на учет детей следовало не только накормить и одеть, но и обустроить. В условиях крайне ограниченных ресурсов пытались задействовать привычные формы общественной помощи: патронат, усыновление, трудоустройство в колхозах [там же, л. 11]. Все они с той или иной успешностью применялись на практике борьбы с беспризорностью в 1920–1930-е гг.

В условиях транспортных затруднений большую роль стала играть помощь нуждающимся детям на местах. «В сильно пострадавших от немецких варваров селах» Лискинского района при сельских советах в 1943 г. организовали детские столовые. В Колыбельском сельсовете на 300 человек, в Щучанском – на 315. Оба села «находились на передовой. Здесь много детей-сирот, так как отцы на фронте, а матерей расстреляли, замучали» [там же, л. 62–62 об.].

Обогретые заботой и внимательным отношением со стороны взрослых, дети отвечали искренней взаимностью. Колхоз имени «12 лет Октября» Екатери-

новского сельсовета подвергся оккупации. «Немцы убили двух матерей, мужа на фронте. У одной 4 человека, у второй 3 человека детей». Всех их «взяла на свое обеспечение комсомольская организация. Комсомольцы собрали из своих запасов и у колхозников 150 кг картофеля, собирают молоко, пошили одежду. И эти сироты-маленькие от секретаря комсомольской организации не отходят» [там же], – сообщали из Лискинского райкома ВЛКСМ.

Одной из форм помощи стало создание детских учреждений. «Много осталось детей-сирот через фашистов. Для этих детей создаются детские дома, где они воспитываются» [там же, л. 32 об.], – можно прочесть в отчетах местных властей. В Алешковском районе организовали детский дом на 50–60 человек. «Доведено до каждого колхоза задание по сбору продуктов питания, белья, посуды для детского дома. Мы в свою очередь, – писала секретарь РК ВЛКСМ Галанина, – дали разверстку на сбор продуктов по комсомольским организациям. Все работники учреждения отчисляют двухдневный заработок» [там же, л. 30].

В Россошанском районе инициаторами учреждения детского дома в апреле 1943 г. стали местные комсомольцы и школьники. Они первыми начали сбор вещей, денег, продуктов питания, продолженный впоследствии на всей территории области. Комсомольская организация взяла детский дом в Россоши на свое полное содержание. Он получил гордое имя Отечественной войны. По признанию комсомольских организаторов, им приходилось начинать буквально с пустого места, не было абсолютно ничего. Например, к помещению, в котором предполагалось разместить детский дом, было страшно подойти, поскольку все было захламлено [там же, л. 32 об.].

Большим подспорьем для улучшения питания воспитанников являлось наличие при детском доме подсобного хозяйства в виде двух лошадей, двух коров, поросят, фруктового сада и 9 гектаров земли [там же, л. 18, 21]. «За всем хозяйством смотрят исключительно дети. Они ухаживают за коровами, поросятами и лошадьми; выращивают редиску, лук, помидоры, капусту и морковь. Соревнуются друг с другом. Их разбили на участки, и каждый ухаживает за своим» [там же, л. 32]. Помимо прочего, воспитанниками организуются вечера самодеятельности. Заведующей детским домом стала Е. П. Калашникова, писавшая о себе в 1943 г.: «Я молодой администратор, работаю с большим желанием, стараюсь, чтобы детям было все, чтобы они чувствовали семейную заботу <...> Я сделаю все, что в моих силах, для того, чтобы дети не чувствовали войны» [там же, л. 7 об.].

Однако проведенная в 1944 г. россошанскими властями ревизия детского дома имени «Отечествен-

ной войны» выявила существенные недочеты в его функционировании и злоупотребления со стороны руководящего состава. Имели место типичные проблемы для подобного рода учреждений: воровство, перерасход продуктов, вызванный питанием при детском доме сотрудников и их детей, отсутствие какой бы то ни было политической работы в летнее время. Наиболее тяжеловесные обвинения касались завышенных штатов воспитательного и технического персонала (22 человека на 80 воспитанников), часть из которых являлись родственниками заведующей, и того факта, что большинство из них проживали ранее на оккупированной территории. Судя по всему, это бросало тень на их политическую благонадежность. А бухгалтер Шестаков был и вовсе «немецким прислужником, работавшим в паспортном столе при немецкой магистратуре» [16, л. 23–25].

Тогда же было установлено, что секретарь Россошанского районного комитета ВЛКСМ Подхомотин не только не осуществлял должного контроля за деятельностью комсомольского детского дома, но и вместо оказания помощи «тащил оттуда продукты». Из детского учреждения им были взяты «1 кг сахара, 1 кг сливочного масла, 40 штук яиц и 1 итальянский костюм» [9, л. 65]. К большому сожалению, преступное равнодушие к нуждам детей и воровство из детских домов не удавалось изжить десятилетиями.

Инициатива воронежских комсомольцев по созданию детского дома для сирот и детей фронтовиков, а также развернувшаяся деятельность по сбору и оказанию помощи для них стала известна далеко за пределами области. Это нашло горячий отклик на фронте.

24 июня 1944 г. в газете «Известия» за подписью секретаря Воронежского обкома ВЛКСМ И. С. Смирнова было опубликовано обращение к И. В. Сталину. В нем говорилось о достигнутых воронежским комсомолом успехах в выполнении долга перед защитниками родины. Окружая «лаской, заботой и вниманием детей фронтовиков и сирот, родители которых погибли от рук ненавистных фашистских палачей», им удалось собрать в фонд помощи для них «2 864 400 руб., 3416 пудов продуктов, 5000 различных детских вещей. 12 тыс. детей фронтовиков получили от комсомольских организаций подарки продуктами и вещами. На собранные комсомольцами средства в области содержатся 10 детских домов, в которых воспитываются 800 детей фронтовиков. 350 учащихся школ получают комсомольские стипендии. Летом текущего года 20 тыс. ребят нашей области будут отдыхать в пионерских лагерях и на оздоровительных площадках, 350 детей по путевкам комсомольских организаций побывают в детских санаториях» [17, с. 2]. Здесь же был помещен ответ руководителя СССР: «Прошу передать комсомольцам

Воронежской области <...> мой горячий привет и благодарность Красной Армии» [там же].

Аккумулированные на счетах комсомола многочисленные денежные суммы позволили развернуть работу по проведению на территории области оздоровительных мероприятий. Поскольку летом 1943 г. они почти не проводились, в 1944 г. комсомольским организациям «пришлось много поработать в деле создания баз для лагерей и их оборудования» [7, л. 18]. Летом 1944 г. в области работало 42 лагеря. Как правило, они были небольшими (на 50–60 человек) со смешанным контингентом отдыхающих. Оздоровительными мероприятиями в общей сложности удалось охватить 21 091 ребенка, 19 891 (94 %) из которых являлись детьми фронтовиков, инвалидами Отечественной войны и сиротами [там же, л. 34 об.]. Комсомольские организаторы оказывали практическую помощь в организации лагерей, а райкомы ВЛКСМ подбирали кадры пионервожатых и начальников лагерей, участвовали в подготовке помещений. Один из элементов воспитательной работы в пионерских лагерях включал организацию костров и вечеров встреч с участниками Отечественной войны. К примеру, в Острогожском районе «в день открытия лагеря вечером был организован пионерский костер, где старший лейтенант т. Егоров рассказал ребятам много интересных эпизодов из фронтовой жизни. Ребята в свою очередь рассказали, как много они пережили, находясь в оккупации у немцев» [там же, л. 13].

За время Великой Отечественной войны был накоплен колоссальный опыт борьбы с детской беспризорностью и выработаны действенные методы ее преодоления, что будет активно использоваться в последующие годы.

Вклад советской молодежи в Победу бесценен. Война уничтожила поколение молодежи, сражавшейся в ней. В исторической литературе оценки потерь среди молодых людей, закончивших в 1941 г. школу, по-прежнему существенно разнятся и носят дискуссионный характер.

В 1930-е гг. ВЛКСМ стал центром морального и физического воспитания в СССР. Еще с конца 1920-х гг., с момента «великого перелома» в советской экономике, сталинский режим все чаще рассматривал молодежь как часть населения, которую следовало мобилизовать с помощью комсомольских ячеек в интересах реализации государственных проектов. К 1941 г. комсомольские организации разных уровней, в том числе в армии, охватывали 10 387 852 чел., что составляло 30 % всей советской молодежи [1, с. 293].

Учитывая печальный опыт советско-финской войны 1939–1940 гг., власти, под неусыпным контролем которых находилась деятельность общественных организаций, сместили центр комсомольского акти-

визма на военное обучение молодежи, рассматривая поколение юношей и девушек в качестве основного ресурса в предстоящей войне с Германией. Результат военной подготовки заключался в том числе в психологическом воздействии на молодежь, которую морально убеждали в неизбежности военных действий и необходимости непосредственного участия в них.

Ключевым элементом военной подготовки молодежи являлось физическое воспитание. Власть добивалась, чтобы физкультура стала неотъемлемой частью ее повседневности, обязательным компонентом их жизни. Занятия спортом рассматривались не в качестве разновидности досуга, а имели прикладное значение.

Особое беспокойство у властей вызывала молодежь на оккупированных территориях. Причины этого были разносторонними. Явные заключались в геноциде, беспризорности, похищениях с целью последующего превращения в остарбайтеров. Скрытые – в идеологическом и моральном разложении. Случаи установления контактов с оккупационными властями и даже сотрудничества не были единичными – по результатам незавершенной к концу 1943 г. проверки каждый десятый комсомолец был исключен из райкомов ВЛКСМ Воронежской области. Вместе с тем они не носили массового характера, так и оставшись в большинстве своем исключением, нежели правилом.

Несомненно, государство стремилось к тому, чтобы дети участвовали в войне наряду со взрослыми. В большинстве случаев это находило среди них поддержку и горячий отклик. В частности, сельскохозяйственный труд оказался в числе первоочередных обязанностей для детей и подростков. Однако тяжелый физический труд ожидал их не только на колхозных полях, но и у станка на заводе, на земляных работах при строительстве оборонительных сооружений. Тем самым они внесли существенный вклад в общие усилия тыла и способствовали повышению обороноспособности страны. При этом нельзя не отметить, что труд, осуществлявшийся, как правило, на безвозмездной основе, не только преследовал цель увеличить численность работоспособного населения за счет подростков, но и выполнял не менее важную социально-воспитательную функцию. Приобщение детей к кампаниям по помощи фронту явилось также способом восстановления общественного порядка. Эта мобилизация позволяла управлять детьми, у которых оказалось так много неконтролируемого свободного времени, тем более беспризорниками, наводнившими страну [8, с. 146]. Таким образом, государство пыталось совместить проблему защиты и контроля маленьких советских граждан с потребностями экономики.

Борьба с беспризорностью стала наиболее важной частью работы для комсомольских организаторов в годы войны. Именно на этом поприще они добились наилучших результатов. Деятельность комсомольских активистов опиралась на накопленный в 1920–1930-х гг. опыт борьбы с беспризорностью, практически полностью копируя его. В кратчайшие сроки детей-сирот поставили на учет, организовали для них сбор продуктов питания и вещей, развернули оказание помощи на местах, задействовали общественную инициативу в вопросах их дальнейшего обустройства, учредили детские дома. Особое внимание заслуживает активно развернувшаяся кампания по сбору добровольных пожертвований, внушительная сумма которых уже к лету 1944 г. позволила наметить и реализовать более широкую и разнообразную программу помощи нуждающимся детям.

Как видно из проведенного исследования, советская молодежь в 1941–1945 гг. была мобилизована не только на фронт, но и на решение важных задач в интересах государства в тылу. Понесла огромные потери, испытав ужасы оккупации и ее последствия, советская молодежь проявила невиданную стойкость и мужество, продемонстрировала несгибаемую волю к победе, стала еще более сплоченной и патриотичной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернштейн С.* Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма / С. Бернштейн. – М., 2018.
2. *Пионерская правда.* – 1941. – № 46. – 17 апр. – URL: https://yandex.ru/archive/search?text=пионерская+правда&pageNum=2&index=mass_media&updateDate=0&exactDateTo=1943-05-26&excludeSeen=0 (дата обращения: 15.08.2025).
3. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 331.
4. ГАОПИ ВО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 153.
5. ГАОПИ ВО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 144.
6. «Была бы Родина...»: Воспоминания. Документы. Дневники. Письма: Воронежский университет в годы Великой Отечественной войны / сост. Л. Е. Кройчик. – Воронеж, 1995.
7. ГАОПИ ВО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 167.
8. *Де Граффенрид Дж.* Мобилизуя юность: труд советских детей в военное время / Дж. де Граффенрид // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер и Р. Д. Марквик. – М., 2019.
9. ГАОПИ ВО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 150.
10. ГАОПИ ВО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 308.
11. *Вербицкая О. М.* Будни сельского тыла 1941–1945 гг. / О. М. Вербицкая // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер и Р. Д. Марквик. – М., 2019.
12. *Калинин М. И.* «Все для фронта! Все для победы!». Статьи и речи / М. И. Калинин. – М., 1942.

13. Пионерская правда. – 1943. – № 21 (26 мая). – URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/9db1ee46-b6ac-4a76-a966-a57cc508ac6f/3> (дата обращения: 14.08.2025).
14. ГАОПИ ВО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 151.
15. *Аброськин С. В.* Зверства фашистов в Воронежской области / С. В. Аброськин. – М. : Госполитиздат, 1943.

16. ГАОПИ ВО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 311.
17. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – 1944. – № 149 (8451). – 24 июня. – URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6150366/pages/2> (дата обращения: 26.07.2025).

*Воронежский государственный университет
Перегудов А. В., кандидат исторических наук, доцент
кафедры политической истории
E-mail: peregydoff@mail.ru*

*Voronezh State University
Peregudov A. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Political History Department
E-mail: peregydoff@mail.ru*